

Рецензия

УДК 316.344.7(049.32)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-90-104

РЕЦЕНЗИЯ НА:

Гай Стэндинг. «Прекариат: новый опасный класс».

(М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.)

Б. Н. Бессонов

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

bessonovbn@mgpu.ru

В. М. Кондратьев

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

kondrut@mgpu.ru

Review

UDC 316.344.7(049.32)

DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-90-104

REVIEW OF:

Guy Standing. «Precariat: the new dangerous class».

(Moscow: Ad Marginem Press, museum of contemporary art «Garage», 2020. 368 p.)

Boris N. Bessonov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

bessonovbn@mgpu.ru

Viktor M. Kondratyev

Moscow City University,

Moscow, Russia,

kondrut@mgpu.ru

Книга Гая Стэндинга о прекариате была издана в Англии в 2011 году и дважды в России — в 2014 и 2020 годах. Она привлекла внимание многих обществоведов, высказавших мнение о ней в своих рецензиях. Одним из существенных недостатков книги они считают неопределенность направленности угрозы, исходящей из наличия прекариата. Сам же автор говорит об опасности возникновения «политики ада», под которой можно понимать революции или гражданские войны (с. 6). И, чтобы избежать этой угрозы, необходимо, считает Г. Стэндинг, понять суть и назначение прекариата для общества. И достижение этого понимания — одна из ключевых задач современного образования. Решение ее зависит от формирования целостного взгляда на жизнь человека и общества. Философы, историки, социологи, экономисты, политологи должны ответить на вопросы: от действия каких закономерностей зависит эта жизнь? Подчиняется ли она природному закону возрастания энтропии? Стремимся ли мы к порядку из хаоса? Должны ли мы учитывать историческую тенденцию возрастания степени самостоятельности работника или трудового коллектива? Что мы понимаем под прогрессом общественного развития? И ответы на эти вопросы должны основываться на определенной методологии.

Так как большинство стран Европы последние десятилетия исповедовали политику неолиберализма, приведшую к возникновению прекариата, то следует критически относиться к теории либерализма. Провозглашение свободы индивида в качестве высшей ценности отражает лишь одну сторону жизни человека. Если исходить из природных свойств человека: зависимости, неопределенности и способности преобразовывать энергию внешнего мира в свой внутренний мир, — то становится очевидной неполнота этой теории. Свобода как результат стремления человека уменьшить степень своей зависимости от природы и общества является производным феноменом, а зависимость — первичным. И способом уменьшения зависимости является уменьшение неопределенности положения человека во внешнем мире, достигаемой в процессе его образования. Возникает вопрос об уровне образования представителей прекариата: какое значение придает ему государство и его граждане? Каков уровень их осознанной самостоятельности? Повышение уровня образования, на наш взгляд, послужит основанием уменьшения угрозы, исходящей от прекариата, о которой пишет Г. Стэндинг. Но обратимся теперь к анализу содержания самой книги Г. Стэндинга.

Автор книги — британский социолог Г. Стэндинг подчеркивает: прекариат — это новый социальный класс, появившийся на мировой арене в эпоху глобализации, насчитывающий миллионы людей, не имеющих стабильного положения, постоянной работы, досуга, ограниченный в своих социальных и политических правах.

Эти люди «и стали новым, потенциально опасным классом. Они охотно прислушиваются к самым вздорным призывам и готовы отдать свои избирательные голоса и денежки на создание и укрепление политической платформы для этих

смутьянов. Сам успех неолиберальной программы, в той или иной степени проводившейся правительствами разных стран, породил — пока еще в зачаточном виде — политическое чудовище. И нужно что-то предпринять, пока это чудовище не окрепло и не показало всю свою мощь», призывает Г. Стэндинг (с. 11).

Определяя место прекариата в социальной структуре современного общества, Г. Стэндинг считает, что в нем можно выделить семь групп. На самом верху — крошечная элита, состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан мира, заправляющих вселенной, у них на счетах миллиарды долларов, их имена в списке Forbes, они способны повлиять на любое правительство и делать широкие филантропические жесты. За этой элитой следует салиариат (от *англ.* salary — зарплата), все еще со стабильной трудовой занятостью, кое-кто из его представителей надеется дорасти до элиты, большинство же просто наслаждается положенными им благами. Салиариат сосредоточен в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и органах государственного управления, включая гражданскую службу.

Рядом с салиариатом находится группа *proficians* — квалифицированные кадры. Это люди, имеющие ряд навыков, которые они успешно выставляют на рынках и много зарабатывают в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту, работая на себя. «Они живут в ожидании нового и в вечном движении, им не нужна долгосрочная, полная занятость на каком-то одном предприятии. “Стандартные трудовые отношения” не для них.

Чуть ниже “квалифицированных кадров”, с точки зрения дохода, находится все уменьшающееся ядро работников физического труда, костяк старого рабочего класса. Именно о них думали, когда строили государства с развитой социальной системой, а также систему регулирования трудовых отношений. Но батальоны промышленных рабочих, создавших рабочие движения, поределели и утратили чувство социальной солидарности.

А еще ниже этих четырех групп — растущий прекариат, рядом с которым — армия безработных и обособленная группа социально обездоленных, живущая подачками общества» (с. 24).

Понятие «прекариат» предложил Пьер Бурдьё, но его провозвестниками были также М. Фуко, Ю. Хабермас, М. Хардт и А. Негри. Понятие «прекариат» — это неологизм, образованный от двух слов: *precarious* (*англ.*) — ненадежный, нестабильный, неустойчивый и пролетариат. Прекариат — это не часть пролетариата. Пролетариат — это социальный класс, состоящий из наемных рабочих, не имеющих собственных средств материального производства, однако стабильно занятых и имеющих постоянную зарплату. Пролетарии, как правило, осознают свои интересы, создают свои партии и профсоюзы, заключают с работодателями коллективные договоры.

Прекариат не относится и к среднему классу, поскольку у людей, принадлежащих к нему, нет устойчивого положения, стабильного жалования, нет необходимых льгот и пособий, нет должного образования. Нет никаких профессиональных или других объединений. К прекариату относятся люди,

перебивающиеся случайными и малыми заработками. Это временные и частично занятые работники, мигранты, часть молодежи, выпускники колледжей и вузов, не чувствующие себя востребованными обществом, а также безработные. Большинство из тех, кто относится к прекариату, не имеют надежной профессии и возможности для профессионального роста. Зачастую их рабочий день не ограничен определенными часами, их побуждают работать в неурочные часы, в ночное время, лишают компенсации при несчастных случаях. У них нет гарантий от увольнения, они лишены возможности на коллективную защиту своих прав, в частности на забастовку. Прекариат не имеет и государственной поддержки, в частности гарантированных пособий от государства. Людям из прекариата недостает самоидентификации. Поступая на работу, они занимают малоперспективные должности в плане карьерного роста, не чувствуют своей причастности к трудовому сообществу, к его этическим и поведенческим нормам, не ощущают также чувства взаимной поддержки и товарищества.

Не сознавая себя частью солидаризированного трудового сообщества, они испытывают чувство глубокой неуверенности, беспокойства, отчуждения, аномии, страха и т. п. Они не знают, как следует жить и что делать, не понимают, как скажется то, что они делают сегодня, на их долгосрочной перспективе; может быть, завтра они уже окажутся не у дел.

Понятно, что как следствие их неопределенного, неустойчивого жизненного положения в их среде возникают глубокие стрессы, являющиеся причиной многих самоубийств. И тем не менее прекариат — это новый социальный класс, который находится в процессе становления. Пока еще с точки зрения, в частности, марксизма — это класс «в себе», а не класс «для себя». «Прекариат — не класс “для себя”, отчасти потому, что он находится в состоянии войны с самим собой» (с. 56). Но в дальнейшем нужно стать классом и для других, чтобы другие признавали, уважали образ его жизни. Напомним, согласно Гегелю, человеком «в себе» является ребенок, находящийся в утробе матери, и, когда он появляется на свет, становится человеком «для себя».

Нетрудно убедить низкооплачиваемого рабочего, что его коллега с более высокой зарплатой получает слишком много, причем за его счет. А жителям городской окраины нетрудно внушить, что прибывающие мигранты перехватывают лучшие рабочие места и всегда оказываются в первых рядах за «подачками». «Противоречия внутри прекариата настраивают людей друг против друга, не давая им осознать, что сама общественная и экономическая структура является причиной их невзгод» (с. 56).

Прекариат — растущий класс. В настоящий момент во многих странах по крайней мере четверть взрослого населения можно отнести к прекариату.

В сущности, потенциально все мы, кроме политической элиты и олигархов, оказываемся в ситуации, для которой характерны неустойчивость, беспокойство и недовольство.

Прекариат потенциально опасный класс. Те, кто не видит перед собой ясной и безопасной перспективы, почувствовав страх и отчаяние, могут

выместить свое негодование не только на реальных, но часто и на мнимых виновниках своего несчастья, что и используют всякого рода темные силы, то есть экономически и политически правящая элита. Такое в истории было не раз, особенно в XX веке в Европе: вспомним фашизм.

Прекариат неоднороден. В его составе, подчеркнем еще раз, временные работники, мигранты, люди, живущие на пособия, стажеры, недавние выпускники вузов, работающие на мелких офисных должностях за очень малую плату, безработные, беднота, зачастую криминализованная. К нему можно отнести и людей с нетрадиционным образом жизни и поведением. И, конечно же, нельзя сравнивать подростка, занятого временной подработкой в мелких торговых предприятиях, и мигранта (часто нелегала), одинокую мать или мужчину за шестьдесят.

Но у всех у них есть нечто общее — ощущение, что их работа временная, вынужденная, ненадежная, малооплачиваемая, что их не ценят и не уважают. Временный труд — один из главных факторов прекариатизации. Временная рабочая сила обходится дешевле, ее зарплата ниже. Временных сотрудников легче поставить в положение неполной занятости, ими проще управлять, потому что они боятся. Если они не согласятся выполнять то, что от них требуется, их выставят без лишнего шума.

Причем число людей с временной привязкой к рабочему месту в эпоху глобализации резко возросло. В Японии к 2010 году более трети трудовых ресурсов находилось на временных рабочих местах, в Южной Корее их доля была еще выше — более половины всех трудящихся были заняты на временных, нерегулярных работах.

В итоге получается незащищенная рабочая жизнь для все большего количества людей, стоящих вплотную к прекариату. Каждый год примерно треть наемных работников в странах ОЭСР по той или иной причине уходит от своего работодателя. В США ежегодно 45 % трудоустроенных покидают свои рабочие места. В 1960-е годы типичный работник, выходящий на рынок труда в промышленно развитой стране, мог ожидать, что до наступления пенсионного возраста сменит четырех работодателей. «Сейчас типичный работник — вероятнее всего, женщина — может рассчитывать на то, сменит девять работодателей, прежде чем достигнет 30-летнего возраста» (с. 79). В результате доля работников, заявляющих о лояльности и доверии к своим работодателям, резко снижается. В США, в частности, доля таких работников снизилась с 95 до 39 %, а процент тех, кто выразил доверие к работодателям, упал с 79 до 22. В эпоху прекариата лояльность и доверие к работодателям становятся зыбкими и хрупкими, подчеркивает Г. Стэндинг (с. 220).

Разумеется, для кого-то временная работа может стать даже ступенькой для карьерного роста. Но для большинства это все-таки показатель уязвимости, ступенька, ведущая вниз. То, что люди, измученные безработицей, соглашались на временную работу, бесспорное свидетельство того, что они спускаются по социальной лестнице, что получать приличный доход они уже не смогут.

Неполная занятость также путь скатывания в прекариат. Многие из тех, кто вынужден работать неполный рабочий день, обнаруживают, что работать приходится больше, а заработок становится меньше. Чаще всего работать неполный день опять-таки обречены женщины.

Индустриальная эпоха и промышленный пролетариат приучили нас к мысли, что мужчина-рабочий должен получать зарплату, достаточную, чтобы поддержать семью. Сегодня же предпочтение в найме на работу отдается женщинам, которые никогда не рассчитывают, что могут получить «семейную» зарплату. Кроме того, становится все больше работы в сфере услуг, где мужская сила не требуется и длительный период обучения специальности не обязателен.

Женщины занимают непропорционально большую долю нестабильных рабочих мест, поскольку охотно соглашаются работать по краткосрочным договорам и даже вовсе без договора. Например, в Японии в 2008 году более половины женщин были заняты на нестабильных, временных работах. Среди мужчин этот показатель был менее одной пятой. В 2010 году 44 % работниц в Японии получали меньше прожиточного минимума.

В XXI веке по мере наступления глобальной феминизации все больше женщин несут тройную ношу: берут на себя долг, заботу о детях и о доме и одновременно участвуют в рынке труда, чтобы позволить себе этот «долг», а еще заботиться о престарелых родителях и других родственниках, которых становится все больше.

Женщины все чаще становятся добытчицами, кормилицами семьи. К 2009 году в США каждая пятая женщина считала себя добытчицей в семье. В 2010 году впервые в истории женщины в США занимали половину всех рабочих мест в стране. «В странах Евросоюза три четверти рабочих мест, созданных с 2000 года, также заняли женщины» (с. 130).

Однако, несмотря на возросшую вовлеченность женщин в экономику, им присуща боязнь неудач из-за нестабильностей разного рода. «Это явление получило жутковатое название “синдром побирушки” — страх оказаться на улице из-за неудач с работой» (с. 130).

Нужно учитывать, что сегодня важной областью прекариата, которая всегда была женской, являются секс-услуги. Это миллионы женщин, которые владеют типичным существованием прекариата: сдают свое тело внаем без всякого контроля со своей стороны. То, что их объявляют вне закона и не признают за ними прав, только подчеркивает их несчастное положение.

Важной составной частью прекариата является молодежь. Человечество понемногу дряхлеет. Более миллиарда человек в возрасте от 15 до 25 лет — самая многочисленная возрастная группа в истории, а в развивающихся странах — это преобладающее большинство. Молодые люди, окончившие школу и колледж, как правило, годами пребывают в неопределенности. Во всяком случае, это их привычный образ жизни на длительный срок.

И этот очевидный результат политики глобализации образования, которую осуществляют современные правительства капиталистических государств.

«Неолиберальное государство, — отмечает Г. Стэндинг, — видоизменяло систему школьного образования, чтобы сделать ее закономерной частью рыночного общества, подталкивая обучение в сторону накопления “человеческого капитала” и трудовой подготовки. Это один из самых отвратительных аспектов глобализации.

На протяжении веков считалось, что образование освобождает от невежества и помогает развивать способности, заложенные от природы. Идея Просвещения состояла в том, что человек, приобретая знания, совершенствует мир и сам совершенствуется. В рыночном обществе эта задача отошла на задний план» (с. 140).

Сегодня власти представляют систему образования как индустрию, как источник выгоды. «Администраторы взяли под контроль школы и университеты, насаждая бизнес-модель, заточенную под рынок. И лидером этой глобальной “индустрии” являются США, притом, что стандарты там катастрофически упали. Идея в том, чтобы воспроизводить продукты под названием “сертификаты” и “выпускники.” «Университеты больше соревнуются между собой не по уровню обучения, а по уровню “роскоши”: где лучше общежитие, спортзалы и танцплощадки, где числится больше знаменитых ученых, сделавших имя в академической науке, не связанной с преподаванием» (с. 140–141).

«Такая товаризация и стандартизация — обесценивает образование, подрывая суть профессии и препятствуя передаче неформальных знаний. <...> Враг не у ворот — он уже вошел в них», — подчеркивает Г. Стэндинг (с. 142).

И тем не менее мы должны сказать, что уровень образования выпускников университетов Гарварда, Оксфорда, Кембриджа является приоритетным для большинства университетов мира.

Многие из молодых людей вынуждены устраиваться на временные должности. Ловким трюком фирм является так называемое стажерство и устанавливаемый для стажеров испытательный срок, когда фирмы могут меньше платить и предоставлять меньше пособий и льгот. Молодым людям трудно перейти на долгосрочные трудовые соглашения. Во Франции, например, 25 % молодых работников устраивались на работу по временному трудовому договору и большинство так и остались временными.

Тяготы нестабильности положения молодежи до сих пор облегчала семейная поддержка. Но семейная солидарность сегодня ослабла, старшее поколение само нуждается в ответной помощи со стороны младшего поколения. Примечательно, что многие молодые люди сегодня вообще не хотят стабильной штатной работы, они не хотят тянуть лямку в конторе или на заводе, как их родители. Согласно международным опросам общественного мнения, почти две трети молодых людей предпочитают самозанятость, хотят работать на себя, а не на кого-то. В сущности, они сознательно, добровольно выбирают жизнь в духе прекариата. Движимые вольнолюбивым духом они отвергают буржуазный материализм белых воротников, диктат субординированного труда и переходят к странническому, кочевому образу жизни лиц свободных профессий. Конечно, в первую очередь это относится к молодежи, но к подобным действиям прибегают и «старики».

В то же время ясно, что именно молодежь, составляя ядро прекариата, недовольная своим настоящим положением и мечтая о достойном будущем, может повести прекариат на борьбу за это будущее. В прошлом веке, в майские дни 1968 года, молодежь уже показала себя как независимая и мощная общественная сила под лозунгом «Будьте реалистами. Требуйте невозможного», отвергнув общество «промышленного труда с его унылым лейборизмом».

Современную молодежь раздражает товаризация и стандартизация образования на всех уровнях: от школы до университета. Вместо того чтобы изучать культуру и историю, школьники и студенты должны научиться, как стать идеальными потребителями и получить рабочие места.

Пожилые люди также важнейший фактор продвижения в прекариат. Мир стареет. Во всем мире доля населения в возрасте 65 лет и старше с 2010 по 2040 год должно увеличиться вдвое, до 14 %. К 2050 году пятой части 9-миллиардного населения будет за 60, а в сегодняшних богатых странах таких окажется не менее трети. Примерно каждому десятому будет за восемьдесят. В развивающихся странах людей в возрасте старше 60 будет еще больше — почти 1500 миллионов. Ожидаемая при рождении продолжительность жизни увеличится до 76 лет, а в богатых странах — до 83 лет. При этом пожилых женщин будет больше, поскольку в среднем они живут на пять лет дольше мужчин. Ясно, что многие из пожилых людей окажутся в рядах прекариата. Они представляют собой дешевую рабочую силу, им платят мало, льгот и пособий у них почти нет, их можно без труда уволить. Но примечательно, что часть пожилых довольны прекарным существованием. Они просто часто рады, что «пригодились».

Этнические меньшинства также резервуар для прекариата. Половина всех молодых мужчин-афроамериканцев к концу 2009 года были безработными; и это без учета заключенных, в то время как чернокожих за решеткой в США почти в пять раз больше, чем белых. Тюремное прошлое, низкий уровень образования, безработица, потеря трудовых навыков, отсутствие деловых связей — все это лишает афроамериканцев, а также представителей других этнических групп позитивного настроения получить достойное образование, сделать карьеру и т. п. В результате шансов не попасть в прекариат у них нет (с. 174–175).

Прекариат растет и за счет криминализированных людей. Растет число заключенных. Тюремь стали крупным учреждением и сильным политическим инструментом. С 1970 года в Бельгии, Франции и Великобритании количество тюрем удвоилось. В Греции, Нидерландах и Испании — утроилось и в 5 раз увеличилось в США. Заключенные работают по восемь часов в смену, шесть дней в неделю, и трудно найти рабочую силу дешевле, чем в тюрьме. И, разумеется, гражданские права заключенных очень ограничены.

Значительная доля мирового прекариата — мигранты. Согласно данным международной организации миграции, в 2010 году в мире насчитывалось 214 миллионов мигрантов, они составляли 3 % мирового населения. Это без учета нелегальных мигрантов, которые в статистические сводки не попадают.

Кроме того, около 740 миллионов людей являются внутренними мигрантами. В Европе живет 12 миллионов людей, для которых европейские страны отнюдь не являются их родиной.

В первые десятилетия XXI века ежегодно в США въезжало свыше миллиона легальных и примерно полмиллиона нелегальных мигрантов. В настоящее время здесь мигрантом является каждый восьмой и примерно один из шести работников имеет иностранное происхождение. Большие потоки мигрантов принимают также и другие страны. В Германии мигрантами либо их потомками являются 16 миллионов человек при общей численности населения 82 миллиона. В Великобритании мигрантом является каждый десятый. Мигранты, в первую очередь нелегальные, ограничены в экономических, социальных и политических правах. Многие из них работают на теневую экономику. Они живут под вечной угрозой депортации и не получают пособий по безработице (с. 182–183).

Даже квалифицированным мигрантам часто закрыт путь в профессию, так как их дипломы не признаются. Им приходится браться за неквалифицированную работу, которая не соответствует ни уровню их знаний, ни предыдущему опыту.

В целом капитал приветствует миграцию, поскольку она является источником дешевой и покладистой рабочей силой. Самые яростные противники миграции — пожилое (белое) крыло рабочего класса и низы среднего класса, сами превратившиеся в прекариат. Они убеждены, что мигранты отнимают работу у местных, угрожают нашему образу жизни, они грязные, привозят с собой болезни, они опасные, из-за них растет преступность. Они виновны, против них нужно принять самые крутые меры.

Гай Стэндинг считает, что миграция — хитрая ловушка. «Число реальных рабочих мест и работ, предполагающих карьерный рост, сокращается, порождая статусную фрустрацию и недовольства. Перспективы оставшихся без работы печальны: им приходится соглашаться на меньшую зарплату или выполнять нудную техническую работу не по специальности.

Нечестно критиковать этих бедолаг лишь за то, что такое положение их возмущает... Мигранты не приезжают из тех мест, где у них были меньшие доходы и ожидания, по этой причине они готовы работать временно и с неполной загрузкой и мало держатся за профессиональные навыки. Политики разыгрывают популистскую карту — они перекладывают всю вину на “ленивых” местных, оправдывая таким образом как ужесточение контроля за миграцией, так и урезание пособий по безработице. В итоге демонизируются две группы людей — дабы угодить среднему классу, — и нынешние прагматики выступают приспособленцами. На самом деле виноваты в этом случае не «лень» и не мигранты, а глобализация и рынок» (с. 228, 229).

В этой связи автор книги отмечает, что у современного прекариата есть исторический предшественник в Древней Греции — банавсои, трудившиеся на общество, в отличие от рабов, которые работали на своих хозяев. Банавсои трудились наравне с метеками, переселенцами-ремесленниками. И, точно также как и метеки, не были гражданами, не могли участвовать в жизни полиса (с. 34).

Для характеристики прекариата подходит ещё одно слово — «резидент», восходящее также к древности. Так в Риме называли иностранцев, которые имели право на проживание в стране, но гражданских прав не получали. И мигранты, и беженцы, и многие другие люди лишены сегодня таких гражданских прав, как равенство перед законом, право на пользование учреждениями культуры, социальные права, право участвовать в выборах и других сферах политической жизни общества. В этом смысле люди, принадлежащие к прекариату в современном обществе — резиденты, а не граждане.

Итак, из-за неустойчивости, необеспеченности своего положения прекариат постоянно находится в состоянии стресса, что грозит ему физическим и моральным истощением. Человек, принадлежащий к прекариату, привыкает действовать и мыслить фрагментарно. Ему трудно делать что-то творческое, требующее сосредоточенности и глубоких размышлений. Его досуг, школа, как говорили древние греки, цель которого образование и постижение культурных ценностей, вытесняется на задний план, и он находит отдых в пустых развлечениях, то есть в пассивных с точки зрения интеллекта занятиях. Все это неизбежно порождает приспособленчество и цинизм, апатию и страх. И наряду с этим «создается общество лотерейного счастья, в котором у прекариата непропорционально большая доля риска» (с. 261). Работодатели и власть хитрят, пытаются унылую, ничтожную работу прекариата замаскировать громко кричащими названиями различных должностей и специальностей. Появляются начальники без подчиненных, «руководители», которым нечем руководить. Например, «координатор приемной» (технический секретарь), «служащий по распределению медийных изданий» (разносчик газет), «ответственный за сбор вторичного сырья» (выбрасывающий мусор из корзин), «консультант по санитарии» (уборщица туалетов) и др.

Современное глобализированное общество в целом все больше превращается в общество-паноптикум. Но особенно этот образ подходит для описания жизни прекариата. Эту конструкцию в свое время — в 1787 году — придумал Иеремия Бентам; он воплотил идею паноптикума в проекте идеальной тюрьмы. Находящийся в центре цилиндрического строения стражник может наблюдать за всеми заключенными, помещенными в камерах вокруг него. Стражник их видит, но сам остается невидим для них. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля — из страха они стараются вести себя так, как если бы он их видел.

В XXI веке проект паноптикума получил широкое воплощение по всему миру в поселениях для мигрантов. Десятки, сотни тысяч людей находятся под прицелом камер видеонаблюдения, чтобы власть могла отселить неудобных, определить послушных и заставить работников мыслить и вести себя так, как это нужно работодателям и властям.

Цифровой мир, электронное окружение, обрушившееся на нас, также способствует распространению прекариатизации. Цифровой мир не признает долгих размышлений и раздумий: он дает мгновенную стимуляцию и удовлетворение,

заставляя мозг уделять больше внимания краткосрочным решениям и реакциям. Это несет с собой определенные выгоды, но в жертву приносится образованность и сама идея индивидуальности. Это шаг в сторону общества, тяготеющего к коллективному, массовому одобрению, а вовсе не к оригинальности и креативности.

Все это вполне согласуется с распространением прекариатизации, подчеркивает автор. Образованный ум — признающий пользу скуки, состояние покоя и созерцания, неторопливых раздумий в вечной попытке связать прошлое, настоящее и воображаемое будущее — оказался под угрозой от постоянной бомбардировки электронно спровоцированных адреналиновых всплесков. Г. Стэндинг отмечает далее, что некоторые биологи-эволюционисты заявляют, что электронные устройства возвращают человека на примитивный уровень, он вынужден инстинктивно и быстро реагировать на сигналы опасности и информацию о новых возможностях, а научный ум в таком случае не более, чем историческая аберрация.

Электронное окружение предполагает и поощряет многозадачность — это черта третичного общества. Исследования показывают, что те, кто по привычке, склонности или необходимости активно вовлечен в многозадачную работу, распыляет силы и по каждому конкретному заданию производительность у них ниже, чем у тех, кто не разбрасывается.

«Многозадачники — непосредственные кандидаты в прекариат, поскольку им сложнее сосредоточиться и труднее отсекают необязательную или отвлекающую информацию (Richtel, 2010)» (с. 46).

Прекариату, да и всем нам, следует быть настороже, предостерегает Г. Стэндинг. Личное все больше исчезает из нашей жизни. Мы приближаемся к социальной аномии.

Аномия, разъясняет Г. Стэндинг, опираясь на труды Эмиля Дюркгейма, — это «чувство безысходности, порожденное отчаянием. И это чувство усиливается из-за унылой, не творческой, бесперспективной работы. Аномия вызвана апатией, связанной с ощущением поражения, и это усугубляется тем, что многие политики... осуждают прекариат, упрекая его представителей в лениности, клеймя их как недостойных, социально безответственных или еще того хуже» (с. 47).

Прекариат, чтобы стать классом «для себя», должен осознать свое положение, его отряды должны объединиться; он должен четко представить себе, кто его противник, и, исходя из этого, разработать программу борьбы с ним. Прекариат ощущает и даже осознает несправедливость общества. Но до осознанного протеста, с вытекающими из него действиями, пока еще далеко.

На демонстрациях прекариата царит театрализованная, карнавальная атмосфера. На одном из плакатов сливается в одну четыре фигуры: дворник, сиделка, беженец или мигрант и так называемый творческий работник. На главном плане — хозяйственная сумка как символ кочевничества людей в современном глобализованном мире. Конечно, символы важны, они формируют

самосознание и основы солидарности. Но, главное необходимо четко сформулировать требования к государству и работодателям, наметить цели и определить средства борьбы. Пока же многие люди, принадлежащие к прекариату, не уверены, растеряны, «плывут по жизненному миру без руля и ветрил, но в какой-то момент могут дать волю гневу и метнуться в любую сторону — от политически крайне правых до крайне левых, поддерживая популистскую демагогию, которая играет на их страхах и фобиях (с. 16).

Конечно же, черты прекариата можно обнаружить и в современной России: временные рабочие, мигранты, беженцы, стажеры, некоторые группы работников культурно-творческой сферы. Если мы не поймем сути прекариата, то все это может привести к опасным последствиям для общества, может закончиться, как пишет Г. Стэндинг, «политикой ада».

Сегодня нужна новая политика — «политика рая». Пусть даже несколько утопичная. Г. Стэндинг считает, что момент для этого самый подходящий. Ибо в начале каждого столетия возникает новая прогрессивная концепция. В начале XIX века появились радикальные романтики, требовавшие новых свобод, начало XX века сопровождалось требованием свободы для промышленного пролетариата. Сегодня моральное банкротство неолиберальной модели глобализации дает надежду на освободительный эгалитаризм, связанный с прекариатом.

Первейшая задача «политики рая» — нужно доверять людям, надеясь, что они будут действовать в своих интересах и при этом считаться с остальными. Не следует к тем, кто принадлежит к прекариату, относиться как к лентяям, потенциальным преступникам, нарушителям закона, эгоистам по самой своей сути. Паноптикум должен быть «свернут».

Надлежащее образование и качественный досуг помогут людям принимать решения самостоятельно, отсеивая ненужную и ложную информацию. Нельзя к людям относиться как к закоренелым безработным. Люди хотят трудиться, работа им нужна. Прекариат сталкивается с систематической незащищенностью. Политика и социальные институты должны перераспределить гарантии защиты и дать возможность каждому развивать свои таланты, особенно молодежи.

Многие люди из прекариата недовольны тем, как правительство печется о банках и банкирах, раздает субсидии элите и в результате усиливает неравенство за счет того же прекариата. Это приводит их к популистскому неофашизму, клеймящему правительство и демонизирующему тех, к кому правительство благоволит. Если это будет продолжаться, общество окажется в опасности.

Прекариат — класс третичного общества, где средства производства неясны и рассеяны и часть в том или ином виде принадлежит самим работникам. В третичном обществе решающая борьба всех прогрессивных людей должна вестись за пять главных фондов: экономическую стабильность, время, качественное жизненное пространство, знания и финансы.

Прежде всего, каждому человеку, взрослым и детям, следует предоставить базовый доход, скромное денежное вспомоществование. С философской точки зрения базовый доход можно представить как социальные дивиденды,

возвращение прошлых инвестиций. Базовый доход — определенная предпосылка экономической стабильности, ощущение которой нужны для того, чтобы мы могли рационально мыслить, проявлять терпимость и сострадание. Чувство экономической безопасности помогает преодолеть экзистенциальную неуверенность (когда мы беспокоимся о своих близких, о собственной безопасности и здоровье и т. п.) и неуверенность в развитии (когда мы хотим развивать свои способности и жить в более комфортных условиях, но все это связано с рисками). Базовый доход позволит людям лучше контролировать свое время, людям время нужно не только ради основной работы, но и для других форм работы, которая не является трудом. Нужно сбавить темпы.

Это важная задача осуществления «политики рая». Мнение, что все работы хороши, — очень удобная позиция для тех, кто живет за счет труда других. Нет. Бессмысленному каторжному труду необходимо противопоставить полезную работу. Ко всем видам работы следует относиться с равным уважением, не думая, что человек, не имеющий должности, не работает или что тот, кто сейчас без работы, — закоренелый лодырь. Обществу вредит не праздность. «На самом деле бездельники вредят сами себе, растрачивая жизнь понапрасну <...> Более того, немного полениться не так уж и вредно. Почему знать, может, тот, кто сейчас якобы бездельничает, на самом деле отдыхает или собирается с мыслями? Величайшие умы человечества проводили много времени в праздности, и всякий, кто читал эссе Бертрانا Рассела “Похвала праздности”, должен устыдиться и не требовать иступлённого труда от других.

Но нужно соблюдать меру. Труд необходим и рабочие места нужны. Но не только в них смысл жизни. <...> Джон Мейнард Кейнс, величайший экономист XX столетия, предсказывал, что к настоящему времени люди в богатых обществах будут заняты на работе не более 15 часов в неделю. До него Карл Маркс писал, что, как только уровень производительности труда позволит обществу удовлетворить свои материальные нужды, мы будем проводить время, развивая наши природные способности. В конце XIX века Уильям Моррис в своей провидческой работе “Вести ниоткуда” описывал будущее, в котором люди смогут без принуждения работать в свое удовольствие, заботиться о природе и жить в достатке и в ладу со своими соседями. Никто из них не мог предугадать ненасытную жажду потребления и бесконечного экономического роста, заданную коммерциализующей рыночной системой» (с. 317).

Те, кого оттесняют в прекариат, должны также дать отпор превращению образования в товар. Надо дать прекариату возможность получать образование на долговременной основе, а не просто проходить подготовку в качестве «человеческого капитала». Образование как подготовка «человеческого капитала» отупляет. Люди отвыкают читать, все более распространенным становится синдром дефицита внимания. Смысл же образования заключается в гармонизации жизни человека, общества и природы. И мы благодарны Г. Стэндингу за освещение проблем современной жизни, в решении которых мы видим смысл своей деятельности.

Исследования молодых ученых

«Тем, кто хочет, чтобы университеты обслуживали предпринимательство и бизнес, следует вспомнить о великих мыслителях прошлого. Как сказал философ Альфред Норт Уайтхед: “смысл университета в том, что он поддерживает связь между знанием и текущей жизнью, связывая молодое и старое поколения творческим отношением к обучению”. Ещё раньше, в 1867 году, Джон Стюарт Милль, будучи ректором университета, заявил: “Университеты не для того нужны, чтобы научать людей тому, что позволит им тем или иным образом зарабатывать на жизнь. Их задача — выпускать неумелых юристов, врачей или инженеров, но способных и культурных людей.” В связи с коммерциализацией об этом принципе забыли, но прекариат должен подумать, как его вернуть. Филистеров пора остановить» (с. 315–316).

Люди, и прекариат разумеется, должны бороться за качественное общественное пространство. Специалисты бьют тревогу из-за глобального потепления, загрязнения окружающей среды и исчезновения некоторых видов животных и растений. Элита этим не озабочена. Она укроется на уединенном острове или в горах. И только прекариат по-настоящему «зеленый» класс. Он заинтересован в более эгалитарном обществе, где предпочтение отдается совместному использованию и репродуктивной, ресурсосберегающей деятельности.

Нужно замедлить темпы не только для того, чтобы уменьшить стресс от бешеного труда и потребления, но и ради сохранения природы.

Прекариату необходимо демократическое общественное пространство. Нужна публичная сфера. Ю. Хабермас считает, что интернет порождает анархическую волну фрагментарных потоков коммуникации, но не образует публичной сферы. Нет обсуждений, совещаний, предложений. Нет полемики, без которой невозможно узнать, кто друг, кто противник. Прекариат должен знать своих подлинных друзей, а также открытых и замаскированных врагов.

Истончение демократии, товаризация политики и засилье паблик-рилейшенз и денег элиты могут привести к укреплению тирании и нездоровому очернению нонконформизма. «Чтобы этого избежать, прекариату, — считает Г. Стэндинг, — нужны механизмы создания совещательной демократии. Это послужит утверждению ценностей универсализма и альтруизма, поскольку позволит людям мыслить незашоренно, “с чистого листа”, а не исходя из отведенных им мест в социальной и экономической иерархии. Однако совещательная демократия требует активного участия, которого нельзя ожидать от растерянных людей, сидящих на жесткой диете обрывочных фраз и банальностей. Она требует обсуждений, зрительного контакта, языка жестов, возможности слушать и размышлять» (с. 353–354). Помочь прекариату осознать свои интересы, сформулировать цели и задачи — долг честных, просвещенных людей.

В 30-е годы XX века пастор М. Нимёллер предостерегал относительно нацизма, набравшего тогда силу в Германии. «Сначала нацисты пришли за коммунистами, я смолчал, потому что не был коммунистом. Потом они пришли

за тред-юнионистами, я смолчал, потому что не состоял в профсоюзе. Потом они пришли за евреями, я смолчал, потому что я не еврей. Потом пришли за мной, но некому было заступиться за меня» (с. 357).

Это предупреждение особенно важно, поскольку правые демагоги, авантюристы и неофашисты сбивают молодых и не только молодых людей на опасный путь. Но и левые теряют доверие у новых поколений.

«Прекариат — новый класс, и, пока прогрессивное человечество не предложит политику “рая”, этот класс будет слушать голоса сирен, заманивающих общество на опасные скалы» (с. 358). Честным людям надо объединяться. Другого выхода нет. «Прекариат не жертва, не злодей и не герой, это просто люди, такие же, как большинство из нас» (с. 358). Таков вывод Гая Стэндинга, с которым мы согласны. Идея объединения различных групп прекариата — основная идея книги о прекариате. Но объединение должно быть сознательным, достигаемым благодаря образованию человека. И мы благодарны Гаю Стэндингу за освещение проблем современного образования в разных странах мира, затрагивающих и проблемы российского образования.

Список источников

1. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2020. 368 с.

References

1. Standing, G. (2020). *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press; Garage Museum of Contemporary Art.

Информация об авторах / Information about the authors:

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор, Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Bessonov Boris N. — Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

bessonovbn@mgpu.ru

Кондратьев Виктор Михайлович — кандидат философских наук, доцент, Институт гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Kondratyev Viktor M. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Institute of Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

kondrut@mgpu.ru